

18+

Никита Андреевич
Меньков

**Счастлиное
время.
Сборник**

Никита Меньков
Счастливое время. Сборник

«Издательские решения»

Меньков Н. А.

Счастливое время. Сборник / Н. А. Меньков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628160-8

В сборник вошла повесть «Давление» и рассказ «Две подруги». Действие в них происходит в 1964 году — на стыке эпох Хрущёва и Брежнева. В произведениях рассказывается о жизни простых советских людей, об их радостях, трудностях, ценностях и идеалах.

ISBN 978-5-00-628160-8

© Меньков Н. А.
© Издательские решения

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
ДАВЛЕНИЕ	8
ГЛАВА 1. САШИНА СЕМЬЯ	8
ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	11
ГЛАВА 3. АНФИСА	13
ГЛАВА 4. ВАЛЕНТИНА ТЕРЕШКОВА	15
ГЛАВА 5. У ИВАНА ИВАНОВИЧА	17
ГЛАВА 6. ВОСЬМОЕ МАРТА	19
ГЛАВА 7. БЕГСТВО	21
ГЛАВА 8. У БАБЫ АНИ	22
ГЛАВА 9. ПРОЩЕНИЕ	24
ГЛАВА 10. ПИСЬМО БАБУШКЕ	26
ГЛАВА 11. ЧУДЕСНАЯ КНИГА	28
ГЛАВА 12. УЧЕНИКИ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Счастлиное время. Сборник

Никита Андреевич Меньков

© Никита Андреевич Меньков, 2024

ISBN 978-5-0062-8160-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Отрываются последние листки календаря, заполняются последние страницы летописи 1963 года.

Поднимая в новогоднюю ночь первый бокал, миллионы советских людей по старой доброй традиции провозгласят тост за год уходящий, год-труженик.

Могучим заключительным аккордом созидательной симфонии 1963 года прозвучали решения декабрьского Пленума ЦК КПСС и очередной сессии Верховного Совета СССР. В этих решениях – план дальнейшего развития страны по пути к коммунизму. Большими шагами большой химии будем мы измерять дела и достижения наши в грядущем году. И на этом новом этапе подъема экономики страны с еще большей силой будет звучать лозунг, провозглашенный партией: «Все во имя человека, для блага человека».

Мы вступаем в год 1964-й с возросшими надеждами на мир. Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой – долгожданная первая ласточка, предвещающая весну мира. Мы гордимся тем, что наша партия и наше правительство, выражая волю народа, сыграли решающую роль в заключении этого исторического договора.

Когда люди с висками, уже тронутыми сединой, поднимут в новогоднюю ночь бокалы за мир, они, наверное, вспомнят о грозных и славных событиях, годовщины которых торжественно отмечались в 1963 году. В первом ряду таких незабываемых дат, записанных в истории кровью лучших сынов и дочерей нашей страны, было 20-летие Волгоградской битвы. И, вступая в новый год с возросшими надеждами на мир, советские люди еще и еще раз склонят головы перед вечной памятью тех, кто ценою жизни своей защитил и отстоял эти надежды.

Год 1963-й навсегда вошел в наши сердца и в историю как год новых выдающихся побед в космосе: беспримерных полетов Валерия Быковского и первой в мире женщины-космонавта Валентины Терешковой. Социализм по-прежнему лидирует в мирном соревновании по освоению космоса.

За миллионы отпразднованных и грядущих новоселий провозгласят новогодний тост строители. Вспомнят о штурме и перекрытии Енисея гидростроители. За созданный в 1963 году еще один гигантский мост дружбы, соединивший Москву с Гаваной, поднимут бокалы свободные от вахты труженики Аэрофлота. За повторение прошлогоднего успеха на чемпионате мира выпьют (совсем по капле!) наши хоккеисты, и за то, чтобы, встречая 1965 год, наполнить вином Кубок Европы, – наши футболисты.

Много добрых и славных свершений оставляет нам в наследство год 1963-й. Но были у нас и трудности. Не баловала своими щедротами природа, что отразилось на урожае. Мы откровенно признаем это и тут же разрабатываем смелые планы развития химии, призванной обуздать стихию. В этой откровенности и смелости – залог грядущих успехов.

С непоколебимой верой в конечное торжество нашего дела встречаем мы новый год. Мы идем вперед и только вперед. И каждый год – новая ступень нашего подъема к светлым вершинам коммунизма.

Новый мир, новый общественный строй, родившийся в огне Октябрьской революции, с каждым годом все решительнее берет верх над миром уходящим, отживающим. Орудийный раскат «Авроры» до сих пор отдается гулким эхом во всех концах земного шара. В недавних ответах Н. С. Хрущева на вопросы редакций четырех газет стран Африки и Азии с исчерпывающей полнотой говорится о тех колоссальных сдвигах в пользу сил мира и прогресса, которые произошли в мире.

...Мы приглашаем тебя, дорогой читатель, в наш новогодний номер. Вместе с тобой мы пожимаем крепкую трудовую руку году 1963-му и с доброй улыбкой выходим навстречу

Новому году. Мы предлагаем тебе, читатель, присоединиться к тем новогодним тостам, которые провозглашают за круглым столом «Огонька» космонавт №1 Юрий Гагарин и монтажник Вячеслав Квачев, колхозница Люба Ли и писатель Сергей Михалков, штангист Юрий Власов и легкоатлет Валерий Брумель и другие новогодние гости журнала.

С Новым годом, друзья!

С новым счастьем!»

(«Огонёк», №1 (1906), 1 января 1964)

ДАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. САШИНА СЕМЬЯ

Сессия была закрыта. Вздохнув с облегчением, Саша отдал зачётку в учебную часть, посидел немного с друзьями в столовой и поехал домой – отсыпаться. Сегодня он опять провёл ночь в монотонной зубрёжке, и теперь кружилась голова.

Как только он прибыл домой и стал разуваться, из кухни выглянула мама:

– Ну, как сдал?

– На «отлично», – ответил он.

– Ну и замечательно. Я селянку приготовила. Мой руки и садись обедать.

Отец Никита Ростиславович и брат Валерка были на работе. Раньше квартира была переполнена людьми, а потом старшие дети выросли, разъехались, создали свои семьи, и они остались вчетвером – родители и два младших сына. У Саши появилась своя комнатка, чему он не мог нарадоваться.

Пообедав, он прилёг на кровать и проспал до вечера. А вечером стал собирать чемодан в дорогу – завтра он поедет на поезде к бабушке и дедушке. Но поедет не бездельничать, а писать дипломную работу. Он взял с собой нужные книги, тетради, ручки и карандаши.

Пока он собирался, пришёл отец, а потом и Валерка, и мама позвала всех ужинать. Саша старался лишний раз не пересекаться с отцом – тот любил читать им с Валеркой длинные нотации и ругал куда чаще, чем хвалил.

Теперь он сидел за столом задумчивый, ел селянку и смотрел в одну точку. Сыновья поглядывали то друг на друга, то на него.

– Молодец, Саша, – сказал наконец он. – Мама мне рассказала – ты успешно закрыл сессию. Умница. Закончишь университет – достану тебе путёвку на море, отдохнёшь там перед поступлением в аспирантуру...

Саша вздохнул. Ещё ведь аспирантура... А он собрался этим летом перебраться в провинцию – поближе к бабушке и дедушке, так он будет чаще их видеть. И к тому же там живёт Лена, с которой он проходил практику и которая ему очень нравится. Но теперь ему придётся на три года задержаться здесь...

Ещё в школе он мечтал уехать в родной город, но Никита Ростиславович сказал ему: «Ты должен выучиться в университете – а потом дуй на все четыре стороны. Никто тебя держать не станет». Саша хотел поступить в один университет, а отец настоял, чтобы он поступил в другой: «Мой сын должен учиться в МГУ». И вот Саша проучился пять лет на филологическом факультете. Было трудно, на первых порах у него даже нервы сдавали... А теперь отец настаивает, чтобы он поступил в аспирантуру. Наверное, просто хочет, чтобы Саша не выходил из-под его контроля, так же, как и остальные четверо детей.

Отец стал беседовать о чём-то с Валеркой, но Саша их не слушал – думал, как же теперь быть.

У дедушки и бабушки Саши было четверо детей: мама Саши, тётя, которая теперь жила в Сибири, и двое дядёв – старший умер до начала войны, младший погиб на фронте. Вдова младшего дяди, тётя Настя, была женщиной крупного телосложения, с простым характером. Она жила неподалёку от бабушки и дедушки, роднилась с ними, называла их мамой и папой, приносила им то, что сама стряпала, помогала по хозяйству. Племянника она любила и к каждому его приезду пекла картофельный пирог, который он обожал. Сашиней бабушке было приятно, что и зять Никита Ростиславович, и сноха Настя называют её мамой. Даже Саша, бывало,

оговаривался и называл её мамой. Она вместе с Настей воспитала внука Володю, и Саша порой завидовал двоюродному брату, который виделся с бабушкой куда чаще, чем он. Но бабушка любила Сашу ничуть не меньше.

Каникулы прошли тихо и радостно. Оказавшись в бабушкиной избушке, Саша вновь погрузился в детство. Каждый день бабушка баловала его вкусными пирожками, оладьями и ватрушками, заботилась о нём. К его приезду она связала ему новые носки и варежки.

Дедушка болел, но старался отвлечься – уходил в сарай, что-то мастерил там. Или вставал спозаранку и шёл чистить двор от выпавшего за ночь снега. Саша, проснувшись, брал у него лопату и чистил сам; снега выпало столько, что пришлось очищать не только двор и дорожку от двора к дороге на улице, но и крышу дома. Улицы в деревеньке чистили трактором.

Здесь прошло раннее детство Саши. Но родился он в Казахстане, в эвакуации. Там прожил первый год, после чего семья вернулась на родное пепелище. Домик бабушки и дедушки пострадал от взрывов, здесь хозяйничали немцы, но всё удалось привести в порядок: вставили новые окна вместо выбитых, подлатали крышу, поставили новый забор; отец сложил новую печь. С ним Саша встретился впервые в три года: Никита Ростиславович ушёл на фронт ещё до его рождения, воевал под Москвой и в Сталинграде, дошёл до Берлина.

Саша помнил, как бабушка вставала ни свет ни заря, и он сквозь сон слышал её тихие шаги и будто всё видел с закрытыми глазами – и как она выходит во двор, и как топит печку, и как месит и раскатывает тесто. А потом он совсем просыпался – от аромата пирожков, таких вкусных-превкусных! Но есть приходилось медленно – горячие.

В шесть лет Саша уехал с родителями, братьями и сестрой в Москву – там умерла другая бабушка, мать отца, и оставила ему квартиру. К тому же отец хотел работать в Москве.

Он начал свою политическую карьеру ещё при Сталине. А когда к власти пришёл Хрущёв, он проявил себя его верным сторонником, принял активное участие в сельскохозяйственной реформе. Между ними сложились дружеские отношения, Хрущёв уважал Никиту Ростиславовича и доверял ему.

У Саши началась другая жизнь – уже не такая радостная: он столкнулся со строгим воспитанием. И отцова порка ремнём после полученной в школе двойки стала для него настоящим потрясением. И ни у кого он не находил поддержки – ни у матери, ни у братьев; лишь одна сестра Галя его жалела и заступалась за него. Так что поездки к бабушке и дедушке на все каникулы стали для него настоящим спасением. А в студенческие годы он стал ездить к ним ещё чаще.

Но его никогда ничем не обделяли. Когда мама покупала какую-то еду, всё делилось поровну между всеми. Отец никогда не попрекал маму и детей куском хлеба, не проявлял скупости. Да, он требовал послушания, но не потому, что он кормилец, а потому, что отец.

Теперь Саша читал источники и делал первые наброски к дипломной работе, посвящённой истории древнегреческого языка. Очень помогли ему в этом беседы с другом отца, историком античности Д. П. Каллистовым, подсказавшим, что следует выдвинуть на первый план в работе.

Историей Древнего мира Саша интересовался давно и теперь подумывал написать свой учебник, в котором он простым и ясным языком поведаёт о первобытной эпохе, о Египте, Междуречье, Греции, Риме и других государствах Древнего мира, расскажет о деятелях тех времён – библейских персонажах, египетских фараонах, древнегреческих и древнеримских правителях, полководцах и многих других. Ещё ему хотелось поехать в какую-нибудь археологическую экспедицию, чтобы самому соприкоснуться с историей.

– Я бы сейчас Грецию посетил... – сказал он как-то, когда они с дедом сидели в зале.

Дед отложил в сторону газету, поправил очки на носу, потерял длинные белые усы.

– Греция далеко... А зачем тебе туда?

– Там очень красиво. Наверное, я часами мог бы любоваться античными храмами, статуями, картинами... И мне почему-то кажется, что там необычно красивые закаты и рассветы.

– Природа везде хороша, – тихо сказал дед. – Уж сколько я ездил по свету, а всюду красотой её любовался. Да и не выедешь теперь туда – с документами долго возиться придётся...

– Ничего, если отца уговорить, он выправит мой загранпаспорт, – уверенно ответил Саша.

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

*Скоро ночь проходит лунная...
День счастливый вспыхнет вновь...
Озарила годы юные
Первая любовь!*

(Л. В. Некрасова. «Первая любовь»)

Как-то Саша спросил бабушку про Лену – не видела ли она её. У Лены в той же деревне жила мать, и к ней она иногда приезжала.

– Нет, внучек, не видела... – покачала головой бабушка. – А ты бы ходил к ним, узнал – может, она тоже приехала... У неё ведь тоже каникулы должны быть...

– Да ну... Я стесняюсь, – пожал плечами Саша.

– Так ты никогда жену не найдёшь, – заметил дед. – Девки – они смелых любят.

Саша задумался... и стал надевать куртку. Выскочив из дома в предвечерних сумерках, он побежал к дому Лены. В одном из окошек её дома горел свет. Саша замедлился и подошёл к дому, чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди. А в голове в это время пронеслось столько мыслей, воспоминаний!

...Четыре года назад Саша переживал из-за того, что летом надо будет проходить практику и из-за этого он не сможет надолго приехать к бабушке и дедушке. Но сестра Галя посоветовала ему отпроситься у учебной части и проходить практику в родном городе. Саша так и сделал. По совету бабушкиной знакомой, тёти Даши, которая недавно переехала из другой деревни, он устроился в редакцию газеты и там практиковался каждое лето.

Там он и познакомился с дочкой тёти Даши, Леной – светловолосой голубоглазой девушкой, и сразу же влюбился. Она была всё время занята какими-то другими делами, отпрашивалась у начальника и куда-то убегала. Саша видел, как ей трудно, и потому однажды предложил ей помочь по работе, и она приняла его помощь. Будучи юношей нерешительным, он поначалу не осмеливался пригласить её в кино или в театр, а когда пригласил, она отказалась, сказав, что занята.

Потом он каждый месяц отправлял ей из Москвы письма, и она отвечала, но не всегда. Во время следующих практик он так же ей помогал, и, бывало, она обещала сходить погулять вместе с ним, однако потом забывала про своё обещание. Но они оставались прекрасными друзьями, доверяли друг другу и советовались друг с другом. Прошлым летом ему стало казаться, что она начала относиться к нему теплее, чем прежде; до декабря они вели переписку, а потом стало не до писем – у обоих началась трудная сессия.

...Остановившись возле палисадника, он стал всматриваться в светившееся окно. Во дворе послышались шаги, потом скрипнула калитка и на улицу вышла какая-то женщина в красном платке, с накинутой на тулуп шалью, в валенках; она несла коромысло с ведрами.

«Кто это? – подумал Саша. – Вроде и не тётя Даша – эта женщина выше ростом...»

Она посмотрела в его сторону, заметила его, и он засиял: это была сама Лена!

– Леночка... – ему казалось, что сейчас сердце выскочит из груди. – Здравствуй, Леночка...

– Саша... – удивилась она. – Здравствуй... Ты тоже на каникулы приехал?

Кивнув, Саша взял у неё коромысло с ведрами и понёс его. Они шли к роднику, который находился в небольшом овраге.

– Как у тебя дела? – спросил он.

– У меня – замечательно, – улыбнулась она, оглядывая его. – Дома всё в порядке. По учёбе успеваю. А у тебя?

– У меня то же самое, – улыбнулся он. – Ты ещё больше похорошела!

– Спасибо...

Когда они пришли к роднику, он стал набирать воду в вёдра, рассказывая Лене о решении своего отца – чтобы он поступил в аспирантуру.

– Отец не хочет, чтобы меня посылали куда-то далеко по распределению, – вздохнул он. – Я раньше думал, что смогу приехать сюда по окончании вуза, а оказалось, что надо отработать три года.

– Не расстраивайся, – ответила Лена. – Значит, так надо. Меня, может, тоже отправят куда-нибудь по распределению. Но потом ты ведь сможешь приехать. Не переживай, у тебя всё получится.

Она коснулась рукой его локтя. Их взгляды встретились, и он как-то неосознанно стал приближаться к ней. Она же потянулась к нему, медленно закрывая глаза...

Но тут послышались крики, и Саша с Леной обернулись. Вдалеке появились три тёмные фигуры – два мужика тащили куда-то третьего.

– Ой... Это моего отца несут, – испугалась Лена. – Он ещё не вышел из запоя, его почти каждый вечер так приносят... Ладно, Саша, я пойду, как-нибудь потом встретимся...

– Я провожу тебя, – он водрузил на плечи коромысло. – Он вас гоняет?

– Нет... Просто его надо раздеть, уложить спать, – объяснила Лена. – И маму надо успокоить – она расстраивается, когда он пьяный приходит.

Саша задумался – всё это было для него непривычно. Его отец не пил спиртного, разве что одну стопку на праздник. У деда была тяга к спиртному, он даже гнал самогон, но бабушка находила его и выливала. К тому же теперь он сильно болел, и врачи тоже не разрешали ему выпивать.

Возле калитки Лена взяла у него коромысло, и они договорились встретиться как-нибудь потом и погулять.

Он шёл домой с небывалой лёгкостью и радостью на сердце. Во дворе он встретил деда, который ходил в загон кормить скотину и кур. Только Саша хотел рассказать деду о встрече с Леной, как тот улыбнулся и махнул рукой:

– Можешь не рассказывать, я всё по лицу вижу. Значит, всё-таки любит она тебя, Сашок... Я ведь тебе говорил – девки смелых любят...

– Деда, я так долго её добивался... Неужели это всё случилось наяву?.. – не мог поверить Саша.

Ему хотелось, чтобы все были так же счастливы, как и он.

ГЛАВА 3. АНФИСА

Через несколько дней после приезда Саши в Москву состоялась встреча его группы с научным руководителем Ириной Алексеевной. Саша недолюбливал преподавательницу; у них почти с самого начала сложились холодные, отстранённые отношения. Ему не нравились строгость, какая-то пафосность Ирины Алексеевны, не нравилось общаться с ней, поэтому на её семинарах он отмалчивался, а если его спрашивали, то отвечал коротко и сухо. Его удивляло, что у одноклассниц сложились хорошие отношения с ней, потому что ему всё в ней не нравилось – и то, что она, будучи в солидном возрасте, постоянно молодится, и то, что шутит как-то нелепо.

Встреча прошла быстро, во время перемены, на кафедре.

– А где же Илья? – спросила Ирина Алексеевна.

Никто не знал, что ответить. Илья был вольной птицей, посещал занятия редко и давно уже был на грани отчисления.

– Передайте ему, пусть ищет другого научного руководителя, – жёстко сказала Ирина Алексеевна. – Я с ним церемониться не собираюсь. Так, давайте начнём обсуждение...

Девушки рассказали о своих работах, спросили, что было непонятно, получили рекомендации. И преподавательница обратилась к Саше:

– Александр, как у вас идёт работа?

– Введение и большую часть первой главы – о протогреческом и микенском языках – я написал, – сообщил он. – Законспектировал несколько источников к следующим главам.

– Вы нашли все источники, которые я рекомендовала?

– Нет, ещё два источника надо будет найти. Я посмотрю в Ленинской библиотеке – там должны быть.

– Не «должны», там они точно есть. Не затягивайте, пишите дальше. Жду от вас работу к одиннадцатому марта. И помните: у вас есть предзащита.

На этом встреча окончилась, и Саша с девушками отправились по домам.

Заходя в квартиру, Саша услышал голоса в зале и понял – пришли гости. И, пока разувался и снимал куртку, по голосу определил, кто пришёл – то был коллега отца Иван Иванович, а с ним, похоже, его жена и дочка, о которых отец рассказывал раньше.

– Саша, проходи, – показался в дверях отец; он провёл сына в зал и представил его жене и дочке Ивана Ивановича. – А это Анфиса, она учится в педагогическом университете, тоже изучает филологию. Так что вам будет о чём поговорить.

– Очень рад... – сдавленно проговорил Саша, пожимая девушке руку и оглядывая её. Отец усадил его с ней рядом.

Анфиса была с виду очень интеллигентной: тёмно-русые волосы аккуратно заплетены в две косы, на носу – очки. Она не понравилась Саше – в ней была какая-то гордость, надменность, и это чувствовалось во всём – во взгляде, в движениях, в речи.

– Саша, ну что ты такой кислый сидишь? – заметил отец. – Рядом с тобой дама, поухаживай за ней, расскажи что-нибудь!

Но Саша сидел будто скованный – он стеснялся Анфисы, ему не хотелось с ней общаться – казалось, что он обязательно сморозит какую-нибудь глупость, а она будет смотреть на него как на идиота. Но ему пришлось побороть страх и спросить её:

– Что тебе налить – вино, шампанское?

– Нет, нет... Лимонада налейте лучше, – ответила она, будто подчёркивая, что не пьёт. – Немного...

Саша налил лимонад ей и себе и сказал:

– Я тоже на первых порах хотел поступать в педагогический – целый год на курсы ходил, готовился, а потом отец сказал, что я и в МГУ поступить смогу, и настоял, чтобы я туда поступил...

Анфиса как-то неодобрительно кивнула, и он понял, что сказал лишнее – зачем было хвалиться?

– Я хотел сказать, что там мне тоже очень нравилось, – стал оправдываться он, – в педагогическом было интересно... Ты учишься в замечательном вузе. Правда ведь, там интересно?

– Да, мне тоже там нравится, – сказала Анфиса, в первый раз внимательно посмотрев на него и опустив глаза. – Нагрузка довольно большая, но многие задания требуют творческого подхода, поэтому я легко с ними справляюсь...

Так они постепенно разговорились и сначала беседовали об учёбе, а потом как-то постепенно в разговоре переместились в Древнюю Грецию – стали говорить об античных ораторах. И Анфиса будто проверяла его знания: «Помните, как Демосфен исправлял свою речь?», «Вам ведь известно, в чём Цицерон обвинял Катилину?» – и при этом внимательно смотрела на него. И он уже стал немного уставать от беседы, когда родители Анфисы засобирались домой.

– Фиса ложится спать рано, да и мы допоздна не засиживаемся, – сказал Иван Иванович. – Ты, Никита, надолго в командировку едешь?

– На две недели, – ответил Никита Ростиславович.

– Когда вернёшься – милости просим всех к нам, – пригласил Иван Иванович.

В коридоре отец указал Саше на вешалку, и тот подал пальто Анфисе, помог надеть его. И хозяева сердечно распрощались с гостями.

Когда Саша ложился спать, к нему в комнату зашёл отец.

– Ну, как тебе Анфиса? Прекрасная девушка, правда? – спросил он, довольный сегодняшним ужином.

– Ну... Да, конечно, – пожал плечами Саша.

– Она что, тебе не понравилась? – насторожился отец.

– Мне как-то неуютно было с ней общаться, – попытался объяснить Саша. – Так всё вроде хорошо, и беседа клеится, но я постоянно в каком-то напряжении... Она вся такая правильная, манерная, с ней запросто, как со своим человеком, не поговоришь...

– Саша, да она золото, а не девушка! – попытался переубедить сына Никита Ростиславович. – Умная, воспитанная, трудолюбивая, готовит прекрасно, рукодельница искусная!

– Папа, ты хочешь свести меня с ней? – догадался Саша. – Зачем? Я ведь всё равно через три года уеду!

– Куда уедешь? К этой своей вертихвостке?

Саша понял, о ком говорит отец.

– Не называй так Лену. Она замечательная, мне с ней очень хорошо! А вообще... дело разве в том, что я уеду? Просто Анфиса мне не нравится – ни как девушка, ни вообще как человек.

– Но ты ещё мало с ней общался, – возразил отец. – Если бы вы какое-то время повстречались друг с другом, то ты бы так не говорил. Главное между мужчиной и женщиной – это дружба и уважение.

– Но ведь тебе понравилась моя мама, когда ты её встретил?

– Да, у меня была и есть симпатия к ней, но такого, чтобы сердце ёкало в груди, не было...

– Вот видишь, у тебя есть симпатия к маме, а у меня нет симпатии к Анфисе. Она мне совершенно безразлична.

Никита Ростиславович тяжело вздохнул.

– Ладно... Оставим пока этот разговор, – и, пожелав сыну спокойной ночи, он ушёл.

ГЛАВА 4. ВАЛЕНТИНА ТЕРЕШКОВА

Пока отец был в командировке, Саша целыми днями занимался дипломной работой, подолгу просиживая в библиотеке. Там он читал рекомендованные пособия, выписывал нужное. Работу он писал сначала в черновике, там можно было зачёркивать и вставлять слова, целые фразы и даже абзацы. А когда Саша стал переписывать всё в беловик, то приложил огромные усилия, чтобы не допустить ни помарки, ни кляксы. Первую главу он успел закончить до приезда отца.

Станным было поведение отца в день его возвращения. Он был весел, напевал что-то, когда они утром вдвоём готовили завтрак на кухне. «Что это с ним? – думал Саша. – Никогда не видел его таким весёлым... Он ведь почти никогда и не улыбался – а тут даже песни поёт...»

– Вот и весна наступила, – сказал Никита Ростиславович, глядя в окно. – Смотри, ручейки уже бегут, снег становится прозрачным. И не успеешь оглянуться, как природа зазеленеет, птицы запоют...

– Ты прямо поэт, – удивился Саша. – Никогда от тебя не слышал таких красивых речей.

– Просто душа радуется весне, – улыбнулся отец.

Они стали завтракать, пить чай.

– Сегодня у Валентины Владимировны день рождения, – сообщил Никита Ростиславович. – Надо не забыть её поздравить.

– У Валентины Владимировны? – переспросил Саша. – Погоди... У Терешковой?

– Ну да, – обрадовался отец. – Надо бы её красиво так поздравить. Придумай какое-нибудь поздравление, ты же филолог.

– Так вот почему ты такой весёлый! – догадался Саша. – Никак глаз положил?

– Да, есть такое дело, – признался отец. – Но ведь в том, что я просто влюблён, нет ничего страшного. Это радует – и то, что мы знакомы, и то, что видимся и общаемся в Кремле, и то, что вообще дружим – поздравляем друг друга с праздниками, узнаём, как дела друг у друга.

– Ты меня прямо ошарашил, – вздохнул Саша. – Не представляю, чтобы я когда-нибудь влюбился в женщину, которая младше меня на тридцать пять лет...

– Такое может быть, – ответил Никита Ростиславович. – Ты ещё только начинаешь жить. Главное, не предавай из-за этого семью. Ну, давай, сочини поздравление, а потом напишем его на открытке.

«Дорогая Валентина Владимировна! – писал Саша в тетради. – Наша семья сердечно поздравляет Вас с днём рождения. Желаем Вам космического здоровья, бесконечного, как космос, счастья и дальнейших космических успехов! Пусть Вам покорятся новые звёздные высоты!»

Семья Конюшевых. 6 марта 1964 г.»

Написав поздравление, Саша протянул тетрадь отцу, и тот прочитал.

– Сашок, да ты просто талант! – пришёл в восторг Никита Ростиславович. – Очень красиво и оригинально.

Тем же утром они отправились в магазин за открытками к 8 марта. Купили открытки маме, сестре Галине, жёнам братьев, племяннице, тётке Ане – сестре Никиты Ростиславовича, Валентине. Бабушке и Лене Саша отправил открытки ещё в конце февраля, и теперь они должны были прийти.

Дома мама приготовила вкусный рассольник, и Саша с отцом, вернувшись, тут же сели за стол, стали обедать. Отец рассказывал о командировке. Потом он отправился в ванную, там побрился, надел новый костюм, полился одеколоном, а Саша тем временем переписал поздравление на открытку и отдал ему.

– Я на работу. Буду вечером, – сказал отец и ушёл.

Саша вернулся в свою комнату. Одна створка в двойном окне была приоткрыта, и он захлопнул её, но порвал при этом занавеску, попавшую в проём. И испугался: что же теперь делать? Сказать маме он боялся: она начнёт ругать его, ввернёт несколько крепких словечек, а когда придёт отец, начнёт стыдить сына при нём. Саша вздохнул, отодвинул занавески, чтобы не было видно, что они порваны.

Потом прилёг на кровать и в каком-то полусне стал вспоминать прошлое лето. Сессия тогда была трудной, но он прилежно работал в течение семестра, и кое-какие знания остались, теперь нужно было освежить их в памяти. Два экзамена он сдал на пять, один – на четыре. Остался последний экзамен – по зарубежной литературе.

Саша был в то время один дома – родители уехали погостить к маминой сестре в Сибирь, а Валерка отдыхал в подмосковном пансионате. Нелегко было готовиться к экзамену: оставалось прочитать ещё десяток произведений и около двухсот страниц в учебнике. Целые дни Саша читал, зубрил материал, делал записи в тетрадь, стараясь запомнить сюжеты романов и повестей, имена и характеристики героев. Последнюю ночь перед экзаменом он спал мало, вскочил чуть свет и стал по тетради повторять материал. Перед экзаменом, как всегда, сильно волновался и боялся, что его отправят на пересдачу. И, чтобы не мучить себя, пошёл сдавать одним из первых. Ответы на оба вопроса в билете он знал, но сомневался в своих знаниях: когда учишь материал дома, то кажется, что всё понятно, а на экзамене обязательно что-нибудь да забудешь. Преподавательница выслушала его ответ и отправила на место – додумать и ответить более полно. Саша испугался, что ему придётся теперь сдавать экзамен в сентябре, но, как оказалось, ему хотели поставить пятёрку. И, когда он ответил ещё раз, в его зачётке вывели «отл.», и он вздохнул с облегчением.

После экзамена Саша сдал учебники в библиотеку. По дороге домой он зашёл в магазин и купил две бутылки пива, решив отметить окончание сессии. Дома выпил бутылку, его потянуло в сон, и он проспал до позднего вечера. А проснувшись, стал варить картошку. И за ужином выпил вторую бутылку пива.

На другой день он отправился в книжный магазин, чтобы купить какую-нибудь книгу в дорогу – он уезжал к бабушке и дедушке. И от прохожих на улице узнал о полёте в космос первой женщины – Валентины Терешковой.

ГЛАВА 5. У ИВАНА ИВАНОВИЧА

Иван Иванович, как и обещал, пригласил семью Никиты Ростиславовича к себе на ужин. В тот день после обеда Саша с родителями и братом стали потихоньку собираться в гости. Отец учил Сашу завязывать галстук:

– Берёшь, вот так обматываешь, делаешь узелок... вытягиваешь...

– Научи его ещё шнурки завязывать, – сказала мама. – Парню двадцать два года, а он шнурки завязывать не умеет...

Когда мама с Валеркой вышли в коридор, Никита Ростиславович достал из кошелька несколько купюр, протянул Саше:

– Завтра восьмое марта, купи цветы и какой-нибудь подарок маме и Анфисе. Пригласи Анфису в кино или в театр – и ты немного отвлечёшься, отдохнёшь, и ей приятно будет.

– Папа, я же тебе говорил, что не хочу с ней встречаться, – ответил Саша. – Можно я просто её поздравлю и никуда с ней не пойду? – и он отодвинул руку отца с деньгами.

– Ладно, дело твоё, – вздохнул тот. – Я же тебя не заставляю жениться на ней – вы просто по-дружески сходите куда-нибудь. Ты и так всё время один.

– По-дружески? Хорошо, – кивнул Саша. – Тогда я разобью свою копилку и достану деньги только для себя. Друзья ведь не платят друг за друга в кино.

– Какой ты жадный... – упрекнул его отец. – В кого ты такой? Если ты приглашаешь человека куда-нибудь, то расходы – на тебе, запомни.

– Я не жадный, я бережливый, – возразил Саша. – Просто нет смысла тратиться на девушку, если она для тебя не родной человек и если у вас нет будущего.

– Кто знает, а может, у вас что-нибудь получится, – пожал плечами отец. – Странный ты, Сашка. Сколько парней мечтают о такой девушке, а ты её в упор не видишь.

– Ладно, я подумаю, – сдался Саша. – Ещё целый вечер впереди.

Зайдя в свою комнату, он после недолгих раздумий разбил копилку.

На застолье собралось много народу. Здесь было всё семейство Ивана Ивановича: жена, два сына, две дочери, свояченица с племянником. Хозяин встретил гостей в коридоре, помог им раздеться, развесил их одежду на вешалке и проводил в зал, где стал знакомить их со своей роднёй. И все стали садиться за длинный стол, составленный из двух столов.

Всё было хорошо, душевно, Иван Иванович шутил, веселил всех, и у всех было прекрасное настроение. Но Саше почему-то не нравилась семья Анфисы – то ли потому, что все какие-то честолюбивые, то ли потому, что ему не нравилась сама Анфиса. Одна только её мама казалась ему простым, скромным человеком.

Его опять посадили рядом с Анфисой, и отец знаками велел поухаживать за ней. Саша поглядывал на Анфису и думал: «Зачем всё это отцу надо? Вроде умный человек, а простой истины не понимает... Ну, ни капли она мне не симпатична. Если бы хоть чуть-чуть нравилась...» Даже её нечастая улыбка ему не нравилась.

Слушая, как Иван Иванович рассказывает о своей карьере, о достижениях, Саша думал: «И для него это удобно, в порядке вещей – вот так хвалиться перед всеми». Он слышал от Ивана Ивановича уже много таких панегириков самому себе – вроде бы тот рассказывает о каких-то событиях, в которых он участвовал, но слышится: «Вот какой я молодец! Вот какой я умный! Какой добрый!» И всё в таком духе. И в газетных статьях журналисты его хвалят – вот, мол, какой образцовый политработник и семьянин!

Мама Анфисы подала к столу пирожки с картошкой, капустой и мясом, и они были настолько вкусными, что Саша съел сразу три штуки. Ему стало неудобно, но мама Анфисы сказала:

– Ешь, ешь, я ещё принесу, там в печи ещё готовятся пирожки.

Саше стало легче, и он разговорился с Анфисой, рассказал ей о своей дипломной работе.

Потом спросил:

– А что ты будешь завтра делать? Наверное, с родителями пойдёшь куда-нибудь?

– Нет. Они одни пойдут на какую-то выставку.

– Тогда, наверное, с подружками куда-нибудь пойдёшь?

– Нет. Они все со своими кавалерами гулять пойдут.

Сказав это, Анфиса вздохнула, и Саша понял, что придётся приглашать её в кино. Он-то надеялся, что она не сможет никуда пойти, и таким образом можно будет оправдаться перед отцом. Ему было жалко отца, который ему ни в чём не отказывал, и хотелось на этот раз послушаться его. «Но ведь один поход в кино ни к чему не обязывает, – подумал он. – Хотя, может, она откажет мне сейчас... Надеюсь на это».

– Может, тогда завтра вечером в кино сходим? – спросил он.

Анфиса внимательно посмотрела на него, лицо её прояснилось, глаза засияли от радости, но ему неприятен был её влюблённый взгляд.

– Пойдём, – ответила она.

ГЛАВА 6. ВОСЬМОЕ МАРТА

По дороге домой Саша зашёл в магазин и купил маме и Анфисе конфеты, а после взял на рынке два букета роз. Подарки и букеты спрятал в шкаф до завтрашнего дня. И стал сочинять поздравление маме.

«Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с 8 марта!

Спасибо тебе за ласковое слово, за заботу, за поддержку! За всё спасибо. Желаю тебе крепкого здоровья, долгих и счастливых лет жизни и светлого, как солнце, настроения!

Твой любящий сын Саша».

И, когда они с отцом и Валеркой на следующее утро поздравили маму и Саша вручил ей открытку, она ничего не сказала, только прижала сыновей к себе и поцеловала каждого в макушку. Такие минуты были особенно радостными и приятными для каждого.

В обед родители ушли на прогулку, Валерка отправился на свидание с какой-то девушкой, а Саша остался дома. Вчера они с Анфисой договорились встретиться в пять часов вечера возле кинотеатра «Комсомолец» и пойти на фильм «Тишина». Он сидел в своей комнате, поглядывал на часы, и на сердце было нехорошо оттого, что он обманывал себя и Анфису, и его утешало лишь то, что он проведёт этот праздничный вечер не один.

Они встретились, он подарил ей цветы и коробку конфет. В кинотеатре купили мороженое, Саша взял билеты, и они с Анфисой поспешили в зал. Фильм, который они смотрели, был снят по одноимённому роману Юрия Бондарева, который Саша прочитал в прошлом году. Эту книгу ему порекомендовали в университете, и он нашёл её в книжном магазине и прочитал на одном дыхании. И теперь он был полностью поглощён действием фильма; один-единственный раз он отвлёкся, когда Анфиса достала из сумки конфеты и стала его угощать. А потом, когда они шли из кино, Саша сказал:

– В этом романе, в фильме чувствуется жизненная правда. Хотя я то время, послевоенное, плохо помню, маленьким ещё был, но отец много рассказывал. В сорок пятом, когда война закончилась, он чувствовал, что жизнь начинается заново, да так оно и было! Пройти всю войну и остаться живым – это ведь чудо, это словно вторая жизнь в подарок. Когда папа возвращался домой из Германии, он где-то в Белоруссии подобрал бездомного котёнка – тот тёрся об его ноги, есть просил, и отец разделил с ним паёк, а потом сунул его за пазуху и повёз в Москву. Назвал Абрикосом – потому что нашёл под абрикосовым деревом. Папа оставил его своей маме – сначала он навестил её, а потом поехал к нам. Когда он приехал, мы с Валеркой бросились к нему, повисли на его брюках, хотя и не знали ведь его – я совсем не видел его до этого, а Валерка просто не помнил, ему полгода было, когда отец ушёл на фронт.

– Да, это радостно, когда всё так хорошо заканчивается, – ответила Анфиса. – А Абрикос... он сейчас жив?

– Нет, он четыре года назад умер – отравился чем-то, – вздохнул Саша. – Когда мы переехали в Москву, он был уже взрослым. Это был папин любимец. Солидный такой был кот. Другие коты по улицам бегают – а этот на диване целыми днями лежал.

Они с Анфисой дошли до трамвайной остановки и стали прощаться. Саша ничего не говорил про следующую встречу, ему не хотелось обещать что-то, давать девушке надежду.

Он уже понял, как действовать дальше. Отец накануне сказал, что снова поедет по работе в Ленинград, и, значит, никто не будет подталкивать Сашу к встречам с Анфисой. А когда он

вернётся, Саша скажет, что занят – пишет дипломную работу и готовится к итоговым экзаменам. А уж потом он сможет уехать к бабушке и дедушке.

ГЛАВА 7. БЕГСТВО

Введение и первую главу дипломной работы Саша принёс в назначенный день. Но Ирины Алексеевны не оказалось на факультете, и он оставил рукопись на кафедре.

С лёгким сердцем возвратился он домой. Мама прибиралась в его комнате. Отец собирал чемоданы в дорогу – он должен был уехать на вечернем поезде в Ленинград.

– Саша, подойди-ка сюда, – услышал он строгий голос матери.

У него всё похолодело внутри, когда он увидел, что мама держит в руках порванную занавеску.

– Мама, это случайно получилось... Я закрывал створку и случайно порвал... – стал оправдываться он. – Извини, пожалуйста...

– Мы с отцом ради тебя стараемся, обеспечиваем тебя, покупаем тебе всё нужное, а ты ничего не бережешь! – повысила голос мама. – Всё ломаешь, рвешь! Ты ещё мало работал и не знаешь настоящую цену деньгам, не знаешь, какого труда всё это стоит!

Саша вспомнил, что бабушка велела ему молчать, не перечить матери, когда она ругает его, и он только вздохнул, слушая её.

На её крик пришёл отец, и мать показала ему занавеску:

– Вот, посмотри, посмотри, что он сделал! Такие хорошие занавески ему в комнату купили, а он взял и порвал! Просто вандал какой-то!

Тут у Саши внутри что-то не выдержало – может, до этого он долго терпел, а может, просто теперь молчать было нельзя.

– Мама, почему я у тебя всегда самый левый? – сказал он. – Почему ты на мне вымещаешь злость? С чужими людьми ты вежлива, моих братьев не обижаешь, хотя эти великовозрастные мальчишки до сих пор смотрят вам с отцом в карман! А тут я по неосторожности что-то сломал, и ты меня сгнобить готова!

Сказав это, он с силой пнул стул, и мать в гневе набросилась на него и стала бить. Отец оттащил её от сына и увёл в другую комнату. Саша бросился на кровать, уткнулся лицом в подушку и заплакал. Как же, чёрт возьми, отвратительно ругаться с близким человеком!..

Немного успокоившись, Саша попытался привстать, но не смог: в груди стало так больно, что он даже не мог первое время ни пошевелиться, ни вздохнуть. У него уже было такое. Когда-то врачи обнаружили у него учащённый пульс, его направили к кардиологу, но тот не обнаружил проблем с сердцем. Но было давно; с тех пор многое могло поменяться.

Постепенно всё прошло, и он даже не стал раздумывать, что ему делать. Сейчас лучше временно уехать к бабушке и дедушке. Саше даже захотелось забросить дипломную работу и не закончить университет. Но он понимал, что у него не хватит на это смелости, поэтому лучше недели две пожить в деревне и вернуться.

Собирая чемодан, он наметил план действий. Сейчас он поедет на вокзал за билетом, а потом отправится к бабе Ане – сестре отца, поживёт у неё до отъезда. Он называл её «бабой Аней», потому что ей было далеко за семьдесят, она была намного старше Никиты Ростиславовича. Баба Аня жила одна в старой квартире и была рада гостям.

Саша взял сбережённые деньги, положил их в карман, с чемоданом вышел в прихожую, потихоньку обулся, взял куртку с вешалки и вышел из квартиры.

ГЛАВА 8. У БАБЫ АНИ

Баба Аня жила на «Маяковской», неподалёку от квартиры писателя Булгакова. Одногруппник Илья рассказывал Саше о той квартире. В ней происходило действие романа «Мастер и Маргарита», который пока ещё не был опубликован, но Илья знал, о чём там говорится. В этой квартире жил сам дьявол со своей свитой, в ней проходил бал сатаны, случались разные мистические истории. Об этом романе говорили теперь многие литераторы, читатели, и Илья узнал о его содержании от филолога Вулиса, читавшего рукопись.

Коридор, тускло освещаемый лампочкой, был забит вещами. Здесь были корыта, сундуки, детская кровать, велосипед и многое другое. Пробравшись через эти нагромождения, Саша позвонил в дверь. Послышались тихие шаги, баба Аня открыла дверь.

– Заходи, Сашок, заходи...

Она, судя по всему, ещё не спала. Саша прошёл в квартиру, разулся.

– Можно я у тебя два-три дня поживу? – попросился он.

– Конечно, можно, – ответила баба Аня. – Проходи.

В квартире всё было старинное – и диваны, и стулья, и комод, и посуда. Баба Аня вышивала что-то – на столике лежали клубки ниток, шкатулка с иголками и материя с узорами. Они сели в кресла, и баба Аня спросила:

– Ты кушать хочешь? Что-то ты какой-то бледный...

– Нет, нет, спасибо, – ответил Саша. – Я просто устал.

– Ты опять поругался с родителями... – догадалась баба Аня. – Когда вы уже станете жить мирно...

– Мне надо какое-то время пожить у бабушки с дедушкой – так будет лучше. Билет я уже купил, на четырнадцатое число.

– Может, ты у меня поживёшь? Успокоишься, всё обдумаешь и вернёшься домой, помиришься. Вы обязательно помиритесь, вы же родные люди, и я за тебя словечко замолвлю, если надо будет.

– Спасибо, баба Аня, ты очень добрая. Но мне бабушку хочется увидеть, просто обнять её, прижаться к ней. Я ей ничего рассказывать не буду, просто скажу, что соскучился – так ведь оно и есть.

– Это тебе решать, конечно, – вздохнула баба Аня. – Поступай как считаешь нужным. Но на родителей не сердись – они тебе зря никогда ничего не скажут, они тебя сильно любят. Просто они из тебя настоящего человека хотят вырастить.

Она взяла клубок, стала разматывать его, потом протянула Саше иголку и нитку:

– Вздень-ка, а то я уже не вижу. Намучалась с этими нитками...

Саша легко просунул нитку в игольное ушко и протянул бабе Ане.

– Пусть там и отец поворчит, и мама замечание сделает – ты не обижайся на это. Они всё правильно говорят. Я твоего отца давно знаю. У нас ведь такая же семья была, как у вас – сестра, то есть я, и четыре младших брата. Я помогала маме за ними ухаживать, воспитывать их. Никита вообще всегда был лучшим из них. Те трое – себе на уме, а он честный, отзывчивый, трудолюбивый. Его и наши родители больше всех детей любили. Он и гимназию с отличием закончил, и в университете выучился, и работать начал рано. Всем помогал – и матери после смерти отца, и братьям. Старший из братьев, Пашка, сварливый да жадный, помню, он хотел тягаться со мной из-за маминого жилья, думал, мама мне всё оставит. Но мама Никите всё оставила, и правильно. А Пашка – просто небокопитель. За копейку удавиться готов. Сейчас ещё живой, в Подмосковье где-то живёт, правда, плохенький уже, еле-еле держится. Самый младший – Севка – выпить любил, поэтому у него ни в работе, ни в семье не было лада. Он

на войне погиб. Царствие ему небесное, и Косте тоже. Костя хороший был, но за языком не следил. Его за какое-то выступление или анекдот забрали и расстреляли в тридцать восьмом году.

– Отец хороший, не буду спорить, просто он хочет, чтобы мы все жили по его правилам, слушались его, и не даёт нам сделать свой выбор, – Саша вспомнил случаи с аспирантурой, с Анфисой. – И его не переспоришь.

Настроение у Саши стало лучше, он приободрился. Они с бабой Аней стали пить чай, она рассказала, как идут дела у её семьи. Её сын и невестка с детьми жили на юге Москвы. У бабы Ани было два сына, но старший погиб на войне.

– Сноха завила кудрявые волосы, говорит, мол, как у космонавтки, сейчас многие женщины такие причёски делают.

– Кстати, отец просто с ума сходит по Терешковой, – сказал Саша. – Всё время про неё говорит.

– Да он, наверное, просто шутит, – махнула рукой баба Аня. – Эх, старый волокита...

Тут в дверь позвонили, и Саша пошёл открывать.

– Кто там? – спросил он.

– Кто, кто... Дед Пихто! – раздался знакомый голос. – Я так и знал, что ты сюда побежишь. Открывай!

Саша вздрогнул, отпер дверь. На пороге стоял Никита Ростиславович.

ГЛАВА 9. ПРОЩЕНИЕ

В коридор вышла баба Аня.

– Так... Никита, если ты пришёл ругать Сашу, то ступай обратно, – сказала она. – Вы с Ларисой довели мальчика, он уже не может жить с вами! Сколько ему ещё терпеть вашу грубость?

– Я не собираюсь его ругать, – ответил Никита Ростиславович. – Саша, собирайся, поедешь со мной в Ленинград. В дороге поговорим.

– Я никуда с тобой не поеду.

– Саша, не веди себя как ребёнок, – вздохнул отец. – Одевайся – и поедем. Я долго говорить не буду, скажу лишь, в чём ты не прав, а дальше сам решай, что тебе делать.

– Я уже купил билет к бабушке.

– Мы его сдадим, возьмём билет в Ленинград, – решил отец. – К бабушке ты успеешь съездить, вот закончатся все дела в университете – и езжай, никто тебя держать не будет.

Он снял с вешалки куртку Саши, подал её сыну, взял его сумку, оставленную в прихожей. И Саша стал одеваться. Когда родители собирались вместе, они могли поругать его за что-то, могли даже довольно долго его песочить, но когда он оставался с кем-то из них наедине, то всё было мирно, особенно с отцом. Поэтому он знал, что даже если отец будет ругать его, то без злости.

– Всё будет хорошо, – успокоил он бабу Аню и обнял её на прощание.

На вокзале отец смог всё устроить, и Саша поехал вместе с ним. В купе они не спеша разделись, заварили чай, и Никита Ростиславович не стал оттягивать разговор.

– Ты неправильно поступил с матерью, – сказал он. – Она любит тебя, заботится о тебе, беспокоится за тебя, а ты говоришь, что она тебя сгнобить готова. Ей было очень обидно это слышать.

– Но ведь так и есть, – возразил Саша. – Из-за каких-то занавесок она устроила такой скандал! Да куплю я новые, куплю!

– Дело не в занавесках, я сам куплю новые, – не согласился отец. – Дело в твоей злости. Из-за неё ты ломаешь, портишь всё, что тебе покупают, из-за неё ты и враждуешь с матерью.

– Занавески я порвал по неосторожности.

– Ладно, пусть так. Неважно. Просто это твоя мать, она родила тебя, воспитала, она каждую минуту беспокоится за тебя, она последнее тебе отдаст... Это твоя мать, и этим всё сказано. Знаешь, как она волновалась, плакала, когда ты болел в детстве? Знаешь, как она радуется твоим успехам? И к кому ты идёшь, если тебе нужна помощь, поддержка, если тебе страшно? В первую очередь к матери. Поэтому не обижай её, никогда не говори ей злых слов, а люби и понимай её. Пусть она кричит – ты молчи и слушай. Потом скажи: «Прости, мама» – и всё. Неужели это так трудно?

– С мамой довольно трудно не пререкаться, для этого нужно огромное терпение, – заметил Саша.

– Да, характер у неё всегда был трудным, – согласился Никита Ростиславович. – Даже тогда, когда я женился на ней. Но по сравнению с моей матерью она всегда была золотом. У меня мать суровой была, всё время командовала нами, детьми, ругала нас, запросто могла выпороть. И всё-таки я как-то её терпел. А когда она умерла, то мне жалко её было, я плакал, жалел, что ещё добрее к ней не относился... А твоя мама по характеру куда лучше. Но всё-таки все люди разные, ты должен это понимать. Первое время мы жили очень мирно, потом уже твоя мама стала на меня покрикивать. Я сначала тоже кричал на неё, а потом перестал. Когда

молчишь – и на душе спокойнее. У некоторых моих однополчан вообще были такие жёны, что они от них на фронте отдыхали.

Никита Ростиславович засмеялся, и Саша тоже.

– Просто надо как-то отвлекаться от этого, находить то, что тебя радует. Или просто отгораживаться от скандалов. Я допоздна задерживаюсь на работе, говорю дома, что дел было много, а сам сижу в кабинете, читаю какую-нибудь книгу, домой не спешу, чтобы снова не поругаться с твоей мамой. А когда поздно приезжаю, то у неё уже ни времени, ни желания нет ругаться. Теперь же вот влюбился, и это здорово мне помогает.

Глаза отца засияли от радости.

– Валентине очень понравилось поздравление. Конечно, она поняла, что его не я сочинил – у меня такого таланта нет, как у тебя... Знаешь, как мне было радостно, приятно, когда я пожимал ей руку! А знаешь, какая у неё красивая, чудесная улыбка!

– Ну ты и втрескался! – с завистью ответил Саша, раскладывая матрац на полке.

Они опять посмеялись с отцом и стали укладываться спать.

– Так что ты помирись с матерью, – сказал отец. – И не обижайся больше на неё. Она тебе только добра хочет.

Вскоре он заснул, а Саша долго ещё лежал и смотрел в темноту.

Как только они прибыли на следующее утро в гостиницу, Саша позвонил матери, сообщил, что они с отцом в Ленинграде, и сказал:

– Мама, прости меня за вчерашнее. Я очень обидел тебя. Но я сгоряча сказал это, не подумав, я был не прав. Извини. Такого больше не повторится. Я тебя очень люблю.

– Всё в порядке, – прозвучал в трубке мамин голос. – Давай простим друг друга и забудем про этот случай. Я тоже тебя люблю, сынок.

И, когда Саша положил трубку, отец просто молча обнял его.

ГЛАВА 10. ПИСЬМО БАБУШКЕ

Несмотря на то, что Саша помирился с матерью, он всё равно ходил как в воду опущенный, переживал о чём-то.

– Ты не заболел? – спрашивал Никита Ростиславович и трогал его лоб. Но Саша не был болен.

Однажды, когда отец ушёл по делам, он достал из чемодана бумагу, ручку и стал писать письмо бабушке.

«Здравствуй, моя дорогая бабушка!

Я очень сильно соскучился. Как вы с дедом поживаете? Как ваше здоровье? Передавай деду огромный привет.

У меня всё нормально. Мы с отцом приехали в Ленинград по делам. Ты же знаешь, как я люблю этот город! Здесь какая-то особая, близкая моей душе романтика.

Мне каждую ночь снится наша деревня. Во сне случаются какие-то события, я разговариваю с кем-то, а проснувшись, забываю, что и когда, помню только, что это было в нашей деревне. Знаешь, вроде я живу у себя дома, с родными людьми, но всё равно чувствую, что я в гостях, а не дома. Это у вас с бабушкой я дома, там всё родное. И вроде я должен привыкнуть ко всему, потому что живу в городе почти всю жизнь, но как-то не привыкается.

Я много думал, почему всё так, и понял, что там отношения другие, ценности общества совсем другие. Для меня всегда важно было понимание, настоящая доброта, и никакие материальные блага не могут мне это заменить. Но мне этого недостаёт, поэтому я и рвусь к вам с дедом. Моя семья – обычная, хорошая семья, однако в ней нет настоящей добросердечности, взаимопонимания. Посуди сама.

МАМА. Это главнокомандующий в семье. Она противопоставила себя нам, детям, таким образом, что многое происходит с её разрешения. Она контролирует нас – детей, внуков – и знает всю нашу подноготную. Мама – хороший человек, не жадный, не вредный. Но с ней не получается поговорить по душам. По крайней мере, у меня. Бывает, хочется пошутить или сказать ей что-нибудь хорошее – она опережает тебя: «Отойди, телевизор загораживаешь». Или: «Отойди, я товар не вижу» (в магазине). И как тут с ней поговоришь? Сделаешь замечание – она и голос может повысить. Или, когда я хочу к ней обратиться, то ей непременно должен сказать что-то мой брат Валерка, и она выслушает сначала этого дурака, а потом уж меня. Он ведь её любимчик! С ней можно посоветоваться или обратиться к ней за помощью, но нельзя поговорить по душам. Может, здесь я виноват? Если виноват, то в чём?

ПАПА. Считает себя верховным главнокомандующим, но не является таковым. Потому что сорок лет назад женился. Но он всё равно твёрдо уверен, что прав во всём и всегда, поэтому может читать и своим детям с внуками, и подчинённым, и друзьям лекции и нотации. И его не переспоришь – если он что-то сказал, то так оно и есть и обжалованию не подлежит. Если ты будешь против – тебе же хуже. Он знает, как манипулировать детьми и внуками, знает, кому что нужно дать, чтобы его слушались, словно дрессированные собачки. Знаешь, что его всегда злило? Что он не может управлять мною. Фёдор, например, в свои 36 лет без него шагу ступить не может, всё время приходит советоваться, как поступить. 32-летний Николай всё ещё посиживает на отцовской шее и каждый месяц звонит с просьбой дать денег. Валерик – тот вообще подхалим, он всегда подмазывался к родителям, он уж точно никуда от отца не денется. Галя слишком совестливая, она не может поругаться с родителями и порвать с ними связь. Поэтому отец и держит их под своим контролем. Но меня ни деньгами, ни влиянием не купишь – я вольная птица. Отец знает, что я могу бе-

жить, как делал уже несколько раз, но он теперь не сможет меня удержатъ – всё-таки я уже не ребёнок. Правда, он пытается «прикрепить» меня к себе с помощью одной девушки, Анфисы, да только у него ничего не выйдет – я её не люблю.

Но всё-таки он хороший, просто у него жизнь всегда была трудной. Он много работал, многих содержал, многим помогал. И при этом ему доставалось и от его мамы, и от моей. А потом ещё и война... Сколько он натерпелся! И за то, что он сейчас влюбился в молодую девушку, я его не осуждаю – у него появилась хоть какая-то радость в жизни.

БРАТЪЯ. Про них я уже всё сказал. Это три приспособленца.

СЕСТРА. С ней я всегда дружил, и сейчас, когда мы видимся, то не можем наговориться. С её отъездом в другую квартиру я стал по-настоящему одиноким.

Сама видишь, как всё обстоит. О каком понимании здесь можно говорить?

Когда мы ехали сюда в поезде, я полночи проворочался и не выспался. А потом, когда мы были уже в гостинице и я прилёг вздремнуть, то привиделось, будто я где-то на квартире – с Анфисой и нашими детьми, которые орут и не дают мне спать. И знаешь, что я решил, когда проснулся? Что не женюсь. Вот так и буду жить один. Я не такой сильный, как мой отец, мне и маминых скандалов хватило. Какое же это счастье – прийти домой после трудной работы, а там тихо, спокойно, никто не кричит, не мешает, и ты можешь уже сразу лечь спать или спокойно посмотреть телевизор!.. Правда, мне придётся научиться многим хозяйственным вещам.

А с Леной мы останемся хорошими друзьями. Как она там поживает? Если встретишь, передавай пламенный привет.

Бабушка, ещё всего два месяца – и я приеду. Буду с нетерпением ждать того дня, когда прикачу к вам на поезде!

До встречи! Всего вам с дедушкой самого-самого хорошего! Я вас очень люблю!

Ваш внук Саша».

Написав письмо, он положил его в конверт, который после запечатал, подписал и понёс на почту. На улице стало теплее, выглянуло солнце, и настроение у Саши улучшилось. И он решил прогуляться и зайти к другу Вальке, у которого он раньше останавливался, и неплохо было бы встретиться с ним теперь; они созванивались почти каждую неделю, и Валька давно звал его к себе в гости.

ГЛАВА 11. ЧУДЕСНАЯ КНИГА

Это случилось через четыре дня после прибытия в Ленинград. Саша уже начал писать вторую главу дипломной работы по сделанным ранее записям из источников. Он писал о диалектах древнегреческого языка в архаическую эпоху. Здесь были упомянуты и процитированы многие поэты и философы Древней Греции. И за работой Саша вдруг вспомнил, что Валька рассказывал ему о какой-то чудесной книге о Древнем мире, которая есть в библиотеке. Эту книгу написал один средневековый учёный, и написал так увлекательно, что ею зачитывались уже десятки поколений. Такая книга точно должна была помочь в написании диплома или в подготовке к экзаменам, но что самое главное – Саше было очень интересно увидеть и прочитать эту книгу, ведь он сам хотел написать учебник по истории Древнего мира.

Оставив на время дипломную работу, он стал собираться в библиотеку. За эти четыре дня заметно похолодало; ветер гнал по улицам позёмку.

Саша не запомнил фамилию автора, но работники библиотеки очень быстро поняли, какая книга ему нужна. Эту книгу нашли, и он отправился в читальный зал.

У него в руках был толстый 600-страничный том коричневого цвета. Сев за свободный столик, Саша открыл его и стал медленно просматривать. Эта книга увлекла его уже с первых страниц. На титульном листе был портрет того учёного – старика в академической шапочке, в мантии, с длинной белой бородой. Книга называлась «История древних цивилизаций».

В ней было четыре больших раздела: «Первобытное общество», «Древний Восток», «Древняя Греция» и «Древний Рим». Эта книга была больше похожа на роман, чем на учебное пособие или научную работу – она была написана простым, доступным языком, и о древних людях рассказывалось так подробно, убедительно и ясно, будто автор сам жил когда-то среди них. Потеряв счёт времени, Саша погрузился в тот волшебный и загадочный мир. Перед ним проносились события, он будто наяву видел известных людей из древности. И за эти два дня (в первый день он не успел всё прочитать) он словно сам побывал в гостях у первобытных людей, у древних шумеров, египтян, греков, римлян и многих других народов. В повествование было вплетено много легенд и мифов разных народов; автор поведал о таких мифических государствах, как Атлантида, Гиперборея, Шамбала, Эльдорадо и другие. Также было рассмотрено искусство разных стран, рассказано о многих древних сооружениях, в том числе о пирамидах Египта, Колоссе Родосском, храме Зевса в Олимпии, Стоунхендже, Вавилонской башне, Великой Китайской стене, Колизее в Риме. В книге было много чёрно-белых рисунков, иллюстрирующих разные события, портретов людей и изображений разных предметов; здесь были карты разных государств и схемы.

Саша был в восторге от этой книги. Ему захотелось, чтобы такая книга была у него, хотя он уже прочитал её и помнил чуть ли не наизусть – это было такое сокровище! И когда он сдавал эту книгу обратно, то спросил у библиотекарки:

– А такую книгу можно найти в каком-нибудь книжном магазине?

– Думаю, пока нет, – ответила работница. – Это раритет, и в нашей библиотеке это единственный экземпляр. Наверное, во всём Советском Союзе таких экземпляров единицы, если они есть.

– Как бы я хотел такую книгу... И вы ни за какую цену не можете продать мне её?

– Вы далеко не единственный, кто хотел купить здесь эту книгу, – вздохнула женщина. – Но это очень ценная и редкая вещь, и она не продаётся. Вам ведь её даже с собой не дали.

Саша ушёл в подавленном состоянии. Вечером, когда они с отцом ужинали в гостиничной столовой, тот спросил:

– Где ты пропал два дня? Опять загулял?

Саша поведал ему о той книге, которую читал эти два дня.

– Жалко, что её нельзя нигде купить... Это такая хорошая книга!

– Да ладно, не расстраивайся ты, – ответил отец. – Если тебе что-нибудь нужно по учёбе, то выпиши оттуда. А так ведь без неё можно прожить?

– Можно... – с грустью сказал Саша.

– А ты молодец, по триста страниц в день читаешь, – заметил Никита Ростиславович. – Почти как Сталин. Он четыреста читал, а то и больше.

– Когда он успевал? – удивился Саша. – Я ведь ничего больше не делал, только читал, а он ещё работал.

– У него память была прекрасной, он запоминал всё быстро, и читал поверхностно, как бы просматривая. И чтение у него занимало, конечно, не целый день.

Саша вспомнил, как в первый раз увидел Сталина. Было ему тогда шесть лет, они с отцом прибыли в Сенатский дворец, и Никиту Ростиславовича повели на какую-то встречу, а Саша остался ждать его у выхода. Он заигрался в деревянных человечков, которых всюду носил с собой, и «очнулся» от игры лишь тогда, когда услышал голоса. Из какой-то двери вышел пожилой человек с седой шевелюрой и усами, взглянул на Сашу; за ним вышел, поплёскивая очками, другой мужчина, полноватый, с лысиной, и тоже поглядел на малыша, притаившегося в углу. Это были Сталин и Молотов. В следующую же секунду они занялись своими разговорами и прошли мимо; с ними были ещё два человека.

Через какое-то время вернулся Никита Ростиславович, взял Сашу на руки, и они отправились домой. Когда Саша рассказал отцу об этой встрече, тот ответил:

– Этот дядя – главный в нашем Советском Союзе. Это товарищ Сталин.

Позже Саша много раз видел Сталина во время его выступлений, но первую встречу запомнил навсегда.

ГЛАВА 12. УЧЕНИКИ

На другой день после приезда в Москву Никита Ростиславович сказал Саше:

– У нас на работе одному учёному требуется помощь – надо его сына подтянуть по русскому языку. Ты ведь силён в русском языке?

– У него врождённая грамотность, – напомнила мама.

– Даже не знаю... – растерялся Саша. – Я ведь и раньше работал домашним учителем, но по истории...

– По истории мальчик как раз пятёрочник, – ответил отец. – Из-за своего чрезмерного интереса к истории он запустил много других предметов, и теперь отец нанимает ему учителей.

Он достал из кармана бумажку и протянул Саше:

– На, решай сам. Здесь адрес, телефон и сумма за одно занятие.

«Ну что ж, попытка – не пытка», – подумал Саша и отправился звонить коллеге отца.

Тот оказался приятным в общении человеком. Он объяснил, что требуется от Саши, рассказал, как добаться, и добавил напоследок:

– Вы уж, пожалуйста, поостороже с ним. Совсем он распустился...

Саша напрягся, ожидая в назначенный день встретиться со строптивым, непослушным учеником, но по прибытии к клиенту увидел робкого, тихого мальчика. Вадик – так звали ученика – учился в шестом классе.

Отец Вадика – интеллигентного вида мужчина – пожал Саше руку и пригласил его пройти в комнату. Ученик копался в портфеле, ища ручку.

– Вадик, неужели нельзя было заранее подготовиться к приходу репетитора? – сердился отец. – Почему ты такой рохля?

Саша стал беседовать с учеником, выявлять, что он знает хорошо и что – плохо. Папа Вадика сидел на диване, читал газету и прислушивался к их разговору. Удостоверившись, что Саша – хороший, грамотный преподаватель, он оставил их и ушёл.

Вадик стал делать домашнее задание по русскому языку.

– Саша, вы будете чай или кофе? – заглянула в комнату мама ученика.

– Да, чаю можно, – отозвался Саша. – Спасибо.

Мама Вадика принесла поднос с двумя чашками чая и вазочками с печеньями и конфетами, и после окончания занятия Вадик с Сашей стали пить чай и болтать о разном.

– Твой папа сказал, что тебе нравится история, – вспомнил Саша. – А какая история? Какого периода?

– История Древнего мира, – ответил Вадик. – Мы её в прошлом году проходили, сейчас Средневековье проходим.

– А почему именно Древний мир? – спросил Саша, хотя знал наверняка ответ на этот вопрос.

– Там всё как-то более... сказочно, что ли, – попытался объяснить Вадик. – Средневековье уже как-то мрачнее...

– Да, а Новое и Новейшее время – сложнее, – кивнул Саша. – Я тоже люблю историю Древнего мира. В этой истории много интересных персонажей, великих личностей, которых помнят и много веков спустя.

Буквально через пару дней после этой встречи объявился ещё один ученик. К Саше пришёл десятиклассник Аристарх, которому нужно было подготовиться к экзамену по истории. Он узнал от своего друга, бывшего ученика Саши, что тот здорово помогает ученикам повысить успеваемость, и пришёл за помощью. Так у Саши стало сразу двое учеников.

Аристарх жил в коммунальной квартире. В ней шёл ремонт, и они с Сашей готовились по истории среди нагромождений мебели, каких-то ящичков, досок. Им надо было повторить практически всю мировую историю, и на первом занятии Саша стал рассказывать Аристарху о методах изучения истории, об археологии, потом перешёл к первобытному времени.

– Кстати, я слышал предание о каком-то первобытном старике с необыкновенным умом, – вспомнил Аристарх. – Его так и прозвали – Великий Ум. Он осмыслил ход истории и предсказал историю человечества, изрёк немало мудрых суждений и много чего изобрёл. Его останки археологи ищут уже очень давно, но никому точно не известно, где он жил.

– Где ты слышал это предание? – спросил Саша.

– Не помню... Или слышал, или читал где-то... – задумался Аристарх. – Когда вспомню, обязательно скажу.

Он тоже хотел поступить на филологический факультет МГУ и поэтому расспрашивал Сашу, как он там учится, какие там есть предметы, о чём его дипломная работа и так далее.

Саша нарисовал на листке бумаги схему и протянул Аристарху:

– Это периодизация всемирной истории. К следующему занятию вспомни основное содержание каждого периода.

Так возобновилась Сашина педагогическая деятельность. К Аристарху он ездил раз в неделю, а к Вадику его вызывали куда чаще – отец мальчика мог позвонить ему в любой день и попросить приехать. И, когда он бывал дома, то ворчал на сына: или почерк у него плохой, или учебник куда-то подевал. Сашу каждый раз угощали чаем с конфетами, и он чувствовал себя уютно и здесь, и у Аристарха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.